

К середине 1856 года здоровье Некрасова настолько ухудшилось, что он выехал для лечения за границу. Перед отъездом ему надо было решить вопрос, в чьи руки передать «Современник» на время своего отсутствия, обещавшего быть длительным. Некрасов решил этот вопрос в пользу Чернышевского, хотя и понимал, что передача редакции Чернышевскому не могла быть приятной Тургеневу и его единомышленникам, привыкшим играть в «Современнике» руководящую роль. И всё же Некрасов поступил так, а не иначе, давая тем самым наглядное и чрезвычайно яркое доказательство того, что для него на первом плане стояли соображения идейного, а не личного порядка, что Чернышевский ближе ему идейно, чем его прежние друзья.

Впечатления от заграничной жизни не привели в восторг Некрасова. В одном из первых писем из-за границы (письмо к Тургеневу из Рима от 3 октября 1856 года) он писал: «... кроме природы, всё остальное производит на меня скорее тяжелое, нежели отрадное впечатление» (X, 294). Тем неотвязнее возвращалась его мысль на родину. В одном из последующих писем к тому же адресату (от 21—29 октября) Некрасов недвусмысленно заявляет: «верю теперь, что на чужбине живее видишь родину» (X, 299).

За границей Некрасов создал поэму «Несчастные», которая полна откликами на события русской действительности. В ней, продолжая «поиски героя», столь необходимого для работы во имя коренного обновления русской жизни, Некрасов, наконец, создает образ этого героя, уже не и плане индивидуальном, как в поэме «Белинский», а в плане широкого социального обобщения.

Поэма «Несчастные» разделяется на две части.

В первой части рассказчик излагает свою жизнь до того, как он попал в Сибирь. Основное в этой части следует видеть в изображении жизненного крушения человека, который жил исключительно личными интересами, личными страстями. Ярче всего это сказалось в той катастрофе, к которой привела его неудача в любви. Заподозрив свою избранницу в неверности, он убивает ее, и это преступление приводит его в каторжную тюрьму.

В этом же году, к которому относится создание «Несчастных», Некрасов всё в той же своей поэтической декларации («Поэт и гражданин») с горечью указывал, что в социальной среде, его окружающей,

...каждый предан поклоненью
Единой личности своей,

а «сердца благие, Которым родина свята», «наперечет». Эти же мысли положены в основу «Несчастных». Образ рассказчика — образ одного из преданных «поклоненью Единой личности своей», а образ Крота — образ человека с «сердцем благим», одного из тех, в которых так нуждается родина и которых так мало («наперечет»).

Всё это позволяет утверждать, что рассматриваемая поэма ставит и разрешает вопрос о смысле человеческой жизни, а потому и можно и должно говорить, что в ней нашли отражение философские искания Некрасова.

К числу людей, убежденных, что смысл жизни в любви к людям, любви в широком смысле, т. е. прежде всего и больше всего в любви к родине, к народу, принадлежит герой второй части поэмы — Крот. Можно спорить, в какой мере отразились в его образе черты Достоевского³⁵ или Белинского,³⁶ но, в конце концов, это не так уж важно. Гораздо важнее констатировать, что Крот в поэме Некрасова изображен, как «русский человек», как патриот,

как демократ. Любовь к родине неразрывно связана у Крота с верой в нее, в ее творческие силы, в ее великое будущее:

Он говорил: «во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней...

...В ее груди

Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

«Вера без дел мертва есть...» — Крот хорошо помнит выраженную в этих словах великую истину и неустанно проповедует необходимость упорной, напряженной, самоотверженной работы на благо родины. Вдохновенным призывом к такой работе является сложенная им «в часы недуга» «Песня преступников»:

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

Как ни важен труд, однако в условиях современной русской жизни истинный патриот не может удовлетвориться только им. Он должен выработать в себе и иные качества, а прежде всего готовность и умение бороться.

О незаурядности Крота не только как деятеля, но и как человека ярче всего говорит то влияние, которое он приобрел на окружающих.

Каким стал рассказчик, восприняв влияние Крота, об этом распространяться нет надобности, ибо всё содержание его рассказа говорит о том, что он стал и морально и интеллектуально развитым человеком, к тому же усвоившим передовой, если не сказать революционный образ мыслей. Разве не пронизано революционным настроением хотя бы следующее его обращение к родине:

...спит народ под тяжким игом,
Боится пуль, не внемлет книгам.
О Русь, когда ж проснешься ты,
И мир на место беззаконных
Кумиров рабской слепоты
Увидит честные черты
Твоих героев безымянных?

Нетрудно догадаться, о каких «кумирах рабской слепоты» здесь говорится. «Герои безымянные» — это, без сомнения, погибшие революционные борцы, имена которых были и остаются неизвестными.

Подобные настроения мог внушить рассказчику только Крот, который говорил «среди народа», «на площади», при «звоне московских колоколен» и кричал радостно: «вперед!». ³⁷ Обстановка этого выступления («площадь», «звон колоколен») и содержание речи к народу, на которое довольно прозрачно намекает слово «вперед!», позволяют утверждать,

что в данном случае Некрасов решился на очень смелую попытку дать понять читателям, что Крот говорил среди восставшего народа, призывая его к дальнейшей борьбе.

Революционный демократизм Крота находится в непосредственной зависимости от того невыносимо тяжелого положения, в котором протекает жизнь народа. Это положение наиболее ярко охарактеризовано во втором восьмистишии «Песни преступников», также не пропущенном цензурой.³⁸

Образ Крота, героя второй части поэмы, в сопоставлении с образом рассказчика, героя первой части, приводит читателей к следующим выводам, выражающим социально-политическое credo революционной демократии: смысл человеческой жизни не в служении «единой личности своей», а в служении родине и народу, однако в обстановке современной русской действительности это служение неизбежно приводит к борьбе против существующего порядка, в результате которой лучшие люди «родной земли» становятся мучениками, говоря конкретно, идут на каторгу и в ссылку, где и находят безвременную гибель.

В поэме «Несчастные» Некрасов предлагает такое решение вопроса о положительном герое, от которого он не отступает ни на шаг и впоследствии. В этом огромное значение поэмы «Несчастные» в творчестве Некрасова, в его идеологической эволюции.

Тем грустнее констатировать, что Некрасов, работая над «Несчастливыми», только частично осуществил свой замысел. Дело в том, что, получив известие об экстраординарной цензурной буре, вызванной перепечаткой в «Современнике» трех стихотворений из сборника 1856 года, Некрасов так взволновался, что «скомкал» поэму, «не сделав и половины того, что думал» (письмо к Тургеневу от 7 января 1857 года; X, 311).

При всех своих достоинствах (глубина идейного смысла, яркость и красочность образов, драматическая напряженность некоторых сцен и т. д.) поэма не лишена недостатков. Среди них выделяется известный стилистический разнобой. В основном поэма, конечно, реалистическое произведение, и этому впечатлению от нее отнюдь не препятствует то обстоятельство, что местами она отличается крайней патетичностью тона, что некоторые образы ее, а прежде всего образ Крота, поданы в ореоле исключительного нравственного величия, исключительной нравственной мощи. Но, будучи в основе своей реалистическим произведением, поэма местами носит несколько романтический колорит. Сугубо романтичен, например, образ возлюбленной рассказчика, которую он аттестует то «ангелом в грозе», то «демоном у пристани желанной». Так, кстати сказать, о ней говорится в первой части, а во второй, в полное противоречие с этим, она названа «женщиной пустой, С тряпичной, дюжинной душой». Убийство рассказчиком его возлюбленной изображено опять-таки в романтическом духе.

Пребывание Некрасова за границей продолжалось около года, с 11 августа 1856 года по 28 июня 1857 года. Оно принесло свою долю пользы, ибо болезнь поэта поддалась усилиям врачей, и здоровье его более или менее восстановилось. После возвращения на родину его мысли не могли не сосредоточиться на вопросах, теснейшим образом связанных с настоящим родного народа, с его недавним прошлым и с его грядущими судьбами.

Вот на какой общественно-психологической почве возникло одно из вдохновеннейших созданий Некрасова — его поэма «Тишина», которая появилась на страницах «Современника» осенью 1857 года, т. е. за несколько месяцев до напечатания ранее оконченной поэмы «Несчастливые».

Первый вопрос, возникающий при анализе поэмы «Тишина»: почему Некрасов назвал ее так, а не иначе? На это отвечают нижеследующие стихи из третьей главы поэмы, завершающие описание разрушенного Севастополя:

...Люди в той стране
Еще не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны

Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет
И думу думает она.

Таким образом, слово «тишина» употребляется поэтом и в значении «мир»³⁹ и в значении той «тишины», которая предшествует не сну, а пробуждению, пробуждению в социальном смысле, той «тишины», которая помогает осознать, в чем «правда», и сопровождается глубоким раздумьем перед началом созидательной работы.

Итак, заглавием своей поэмы Некрасов хотел подчеркнуть, что он намерен дать в ней отклик и на начало мирного времени и на наступление каких-то новых перемен в русской действительности, в жизни народа. «Тишина» — это поэма о родине, о России, о народе, поэма, навеянная теми событиями, которые имели место в период с 1853 по 1856 год, т. е. прежде всего Крымской войной и ее окончанием.

Высоко патриотические установки «Тишины» определили и трактовку затрагиваемой в начале ее проблемы «Россия и Запад». Конечно, эта проблема не может трактоваться в столь насыщенном лиризмом стихотворении иначе, как в сугубо субъективном плане, но этот план не препятствует некоторым выводам общего характера. Поэт (он же лирический герой) должен признать, что вдали от родины ему не удастся найти «примиренья с горем», он «хандрит», «немеет», у него не только не хватает сил «одолеть свою судьбу», но он «погнулся перед нею»; его творческая мысль попрежнему прикована к родине:

Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!

Поскольку Некрасов заговорил о своих «песнях родине», постановка вопроса о «России и Западе» уже теряет узко субъективный, узко личный характер, ибо некрасовские «песни родине» не только явление личного порядка, но и факт большого общественного значения. Нельзя, думается, видеть отражение только личных переживаний и в знаменитом четверостишии:

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Во второй главе «Тишины» наиболее удалось поэту описание того патриотического подъема, который охватил Русь в дни Крымской войны:

Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала... и т. д.

Не забудем, что еще в 1854 году Некрасов написал высоко патриотическое стихотворение «14 июня 1854 года» на появление неприятельского флота перед Кронштадтом, причем назвал англо-французов «исконными, кровавыми врагами». Несколько позже, когда внимание всего мира было приковано к титанической борьбе, происходившей под стенами осажденного Севастополя, Некрасов писал Тургеневу: «Хочется ехать в Севастополь. Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно — боюсь, не поздно ли уже будет?» (X, 222). Опасения Некрасова оправдались: ехать в Севастополь было уже поздно, ибо вскоре русским войскам пришлось оставить Севастополь. На падение Севастополя Некрасов предполагал откликнуться в особом стихотворении, о чем можно судить по сохранившемуся замечательному наброску:

О, не склоняй победной головы
В унынии, разумный сын отчизны.
Не говори: погибли мы, увы! —
Бесплодна грусть, напрасны укоризны.

Этот набросок драгоценен, так как позволяет утверждать, что Некрасов реагировал на падение Севастополя именно как патриот, но патриот, сразу сумевший подчинить чувство жгучей скорби разумной оценке совершившегося с точки зрения интересов отчизны. А разумная оценка действительности прежде всего приводила к преодолению чувства уныния.

В третьей главе «Тишины» отражено с необычайной яркостью и силой убеждение Некрасова в том, что среди героев только что закончившейся войны первое место принадлежит народу:

Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Некрасов превосходно знал, что Крымская война выдвинула немало героев — и героев подлинных — из рядов русской армии. Имена Нахимова, Корнилова, Тотлебена и других были ему хорошо известны. Однако поэма «Тишина», а в этом коренное и принципиальное ее отличие от поэмы «Несчастные», была задумана так, что в ней основную роль играли не индивидуальные образы, а образы чрезвычайно широкого социального охвата: «Родина», «Русь», «Народ», «Севастополь» и т. д. Среди этих образов трудно было найти соответствующее место образам индивидуальным, хотя бы образам подлинно героических защитников Севастополя. Выделяя народ, только за народом закрепляя имя героя, Некрасов лишний раз проявил себя демократом чистой воды. Проявленное в «Тишине» отношение поэта к народу нельзя не связать со столь характерными для него поисками «положительного» героя. В «Тишине» функцию положительного героя он закрепляет за образом народа.

Вслед за третьей главой в журнальном тексте поэмы шла четвертая глава, представлявшая безусловно «неверный звук» некрасовской лиры. В ней нашли отражение те либеральные иллюзии, которым поддались в рассматриваемое время даже люди очень передового образа мыслей, возлагая какие-то надежды на правительство Александра II. Некрасов был тысячу раз прав, изъяв ее из текста всех отдельных изданий своих произведений. А потому четвертая глава, известная только по журнальному тексту, как бы перестала существовать. Четвертой главой по тексту отдельных изданий является глава, ничего общего с ней не имеющая.

Примечания

³⁵ Мнение, по которому Крот — это Достоевский, представляется нам неубедительным, хотя бы уж потому, что к Достоевскому Некрасов в эти годы относился весьма отрицательно, как о том свидетельствует его повесть «Как я велик!». Источник этого мнения — неправильно понятые Достоевским слова Некрасова, сказанные при вручении ему поэтом издания своих стихотворений.

³⁶ П. Ф. Якубович в своей книге о Некрасове (СПб., 1907, стр. 39—43) убедительно доказывает, что некоторые черты в наружности Белинского и его внутреннего облика (т. е. мировоззрение) отразились в образе Крота.

³⁷ Описание предсмертных минут жизни Крота в основном повторяет рассказы о том, как умирал Белинский.

³⁸ Это восьмистишие впервые напечатано автором этих строк в «Памятке ко дню столетия рождения Некрасова» (ГИЗ, 1921, стр. 3—4).

³⁹ В таком же точно смысле употребляет это слово М. В. Ломоносов в знаменитой оде «На восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны».